

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.63>

Иванов Дмитрий Игоревич

"Я СТОЮ НА САМОМ КРАЮ, / НО ПОКА ДЕРЖУСЬ" (КОГНИТИВНАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ ДУХОВНОГО ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. КИНЧЕВА)

В рамках авторских теорий синтетической языковой личности (СЯЛ) и когнитивно-прагматических программ (КПП) проводится глубинная интерпретация ключевой фразы композиции К. Кинчева "Ветер перемен". Стремясь разрушить тоталитарную машину подавления личности, К. Кинчев соединяет этот пафос с пафосом возрождения истинных идеалов и духовной свободы человека, не осознавая поначалу двойственности этой позиции. Символическая фраза "Я стою на самом краю, / Но пока держусь" получает двойственную конструктивно-деструктивную семантику: 1) "я" (герой-мишень - "ментальный самоубийца") "растворяюсь" в пустоте неизбежности приближающейся смерти, которая является главной целью моей жизни; 2) потенциально здесь есть смиренное принятие своего духовного несовершенства, позволившее автору позже нейтрализовать деструктивно-аффективные процессы самокопирования и распада личности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/63.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 306-311. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**LEXICO-STYLISTIC CHARACTERISTICS
OF THE ENGLISH-SPEAKING TOURIST'S INTERNET COMMENTARY**

Golovina Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Orenburg State University
gol114@yandex.ru

The article considers lexico-stylistic characteristics of a tourist's Internet commentary. The author identifies the basic lexico-stylistic means and purposes of their usage in the English-speaking tourists' Internet commentaries. The paper examines such types of Internet commentary as a commentary-advice, commentary-warning and commentary-gratitude. Tourists' Internet commentaries are classified into positive, negative and mixed ones and are analyzed from the viewpoint of the gender aspect. The findings allow identifying the typical features of male and female tourist's commentaries.

Key words and phrases: tourist's Internet commentary; lexico-stylistic means; gender aspect; lexical level; style variability.

УДК 81.1; 008:361

Дата поступления рукописи: 25.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.63>

В рамках авторских теорий синтетической языковой личности (СЯЛ) и когнитивно-прагматических программ (КПП) проводится глубинная интерпретация ключевой фразы композиции К. Кинчева «Ветер перемен». Стремясь разрушить тоталитарную машину подавления личности, К. Кинчев соединяет этот пафос с пафосом возрождения истинных идеалов и духовной свободы человека, не осознавая поначалу двойственности этой позиции. Символическая фраза «Я стою на самом краю, / Но пока держусь» получает двойственную конструктивно-деструктивную семантику: 1) «я» (герой-мишень – «ментальный самоубийца») «растворяюсь» в пустоте неизбежности приближающейся смерти, которая является главной целью моей жизни; 2) потенциально здесь есть смиренное принятие своего духовного несовершенства, позволившее автору позже нейтрализовать деструктивно-аффективные процессы самокопирования и распада личности.

Ключевые слова и фразы: синтетическая языковая личность (СЯЛ); когнитивно-прагматическая программа (КПП); конструктивно-деструктивная семантика; аффективное состояние; суггестивная/контрсуггестивная стратегия.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Сианьский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика
Ivanb10@yandex.ru

**«Я СТОЮ НА САМОМ КРАЮ, / НО ПОКА ДЕРЖУСЬ»
(КОГНИТИВНАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ ДУХОВНОГО ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. КИНЧЕВА)**

Отечественная рок-культура, и в частности творчество К. Кинчева, – релевантный объект для глубокого «синтетического» изучения. Сложность этого объекта, далеко не полно исследованного, особенно в когнитивно-прагматическом плане, обеспечивает **актуальность** нашей работы. Оригинальные авторские теории *синтетической языковой личности (СЯЛ) и когнитивно-прагматических программ (КПП)* [3-4], нацеленные на семиотическую «развертку» когнитивно-прагматического опыта языковой личности художника, позволяют прочитывать его внешне разнообразные проявления как единый *текст субъекта в культуре*; архитекtonика и смысл этого текста выстраиваются когнитивно-прагматической программой – целостной динамической системой когнитивно-прагматических установок (КПУ) субъекта, определяющей – в случае бескомпромиссного стремления к самореализации и достижению поставленной цели – основные векторы его жизненного и творческого пути. Использование оригинальных авторских теорий «полного цикла» (от методологии до терминологического аппарата), дающих новый результат, обеспечивает **научную новизну** исследования.

СЯЛ Константина Кинчева как художника, сформировавшегося в «героическую» эпоху русского рока, носит ярко выраженный логоцентрический характер: романтический по типуажу «герой духа», пророк, «шаман» бросает бескомпромиссный глобальный вызов «системе», сражается за духовную свободу сам и призывает к этому других. Когнитивное целеполагание логоцентрика, определяющее общий вектор развития авторской КПП, нередко абсолютизируется им самим, игнорируя неизбежные противоречия, порой с катастрофическими последствиями. По этой модели тотальное «героическое» противостояние рок-культуры и советского государства в 1980-е годы превратилось в деструктивно-разрушительный «героический» бунт и ментально-когнитивный кризис самих деятелей рок-культуры, что привело к разнообразным формам «негатива»: творческому кризису, духовному опустошению, суицидам и пр.

Стремясь как можно быстрее разрушить тоталитарную машину подавления личности, К. Кинчев соединяет этот пафос с пафосом возрождения истинных идеалов и духовной свободы человека, русской национальной идеи, веры и т.п. Однако поначалу двойственная (конструктивно-деструктивная) природа цели не осознается

самим художником: конструктивное содержание блокирует деструктивные импульсы. Разрушение мыслится субъектом-источником КПП как верный и лучший путь возрождения духовных идеалов; в сознании рок-поэтов «героической» эпохи оно сравнимо с хирургической операцией («Наш лечащий врач / Согреет солнечный шприц. / И иглы лучей опять найдут нашу кровь. / Не надо, не плачь. Сиди и смотри, / Как горлом идет любовь» [1, с. 94]). Работа сознания на основе принципов отрицания, разрушения традиций и стереотипов мышления приводит к тому, что система контрсуггестивных аффектов, «противоречащих традиции и стремящихся к созданию если не прорыва, то новой области свободы» [22, с. 191], становится доминирующей, превращая романтическую битву за свободу в саморазрушительный бунт.

Постепенно, однако, растет ощущение тупика, бессмыслицы, стереотипизации самого протеста («Звук, которым когда-то был крик, / в рот набрал воды и прикусил язык» [9]); наглядно это деструктивно-аффективное состояние выражено в композиции «Сумерки»: «...То ли молимся, то ли блюем <...> Мы, такие чистые да гордые, / Все пели о душе, да все плевали в нее» [17]. Возникает своеобразная амбивалентность, балансирование в ситуации аффективного шока и экзистенциального кризиса между абсурдом, «дном», самоуничтожением – и попытками освободиться от ложных, искаженных формул моделирования своего «сущностного я», «перезагрузить» сознание, ведь в опустошенной душе, лишенной веры, нет жизни (см. о взаимосвязанности неостановимого процесса самостановления/самоуничтожения [20, с. 115]). Концептуально-смысловое ядро КПП продуцирует как деструктивные контрсуггестивные стратегии («битва за жизнь» / «жизнь ради битв» – «бытие-к-смерти»), так и возможность конструктивной суггестивной стратегии («битва за бессмертие собственной души» – «бытие-к-Богу»). **Задача** нашего исследования – проследить, как реализуется эта когнитивная двуплановость в творческом сознании/подсознании К. Кинчева и что она означает для его творческого и духовного пути, понимаемого как программная реализация КПП «логоцентрика».

В этой связи чрезвычайно информативен небольшой фрагмент песни «Ветер перемен»: «Я не хочу пожара, / Но огонь уже зажжен, / Я стою на самом краю. / Но пока держусь. <...> Ветер больших перемен / Дует на восток. / Я чувствую начало конца, / Чувствую ток. / Шок!» [6]. В первых же строчках раскрывается специфика процесса активизации деструктивного контрсуггестивного аффективного состояния сознания К. Кинчева – неконтролируемый лирическим субъектом «пожар», «огонь», внутренним ментальным катализатором которых является принципиальная двойственность (противоречивость) русской души. В высшей степени эта двуплановость проявляется в опорной символической фразе «Я стою на самом краю, / Но пока держусь». Ключевое значение в данном контексте получают два концептуально-смысловых кода: а) «на самом краю»; б) «пока держусь». Каждый из них обладает двойственной конструктивно-деструктивной семантикой. Рассмотрим их более подробно.

1. Контрсуггестивная деструктивно-аффективная интерпретация кода «на самом краю»

Под воздействием контрсуггестивного аффекта концептуально-смысловой код «на самом краю» приобретает в сознании К. Кинчева особое предельно деструктивное значение. «Край» – это стойкое (непреодолимое) аффективное состояние приближающейся духовной/физической смерти поэта, который стоит на самом краю пропасти (бездны): «Братские могилы / Переполнены, / Смерть серпом косила / Буйны головы. / Рваную рубаху / Пулями латай, / Топоры да плаха / По дороге в рай <...> Чую гибель! / Больно вольно дышится! / Чую гибель! / Весело живем! / Чую гибель! / Кровушкой распишемся! / Чую гибель! / Хорошо поем!» [19]. Соответственно, концептуальный элемент «край» может рассматриваться, во-первых, как специфическая вербализованная форма выражения общего аффективного состояния страха-обреченности-безысходности, парализующего (парализующего) сознание (душу) К. Кинчева. Во-вторых, как своеобразный итог всего деструктивно-демонстративного пути поэта, истинной целью которого является духовное самоуничтожение: «Когда тебе вдруг станет ясно, что без дозы невозможен контакт. / Когда твои друзья один за одним встанут под криминал. / Когда твою мать растворит кислота, а сущность съедят грибы, / Тогда поймешь, что успел в самый раз – умереть молодым» [18].

Приближаясь к «краю», К. Кинчев задает самому себе главный вопрос: что находится за краем пропасти? На наш взгляд, ответ на него очевиден. Поэт, сознание которого полностью заблокировано системой деструктивных контрсуггестивных аффективных состояний, «внушает себе», что за краем пропасти нет ничего, кроме пустоты, забвения и смерти. Это псевдоубеждение заставляет его «поверить» в то, что самоуничтожающий путь «бытие-к-смерти» естественен и непреодолим. Поэт подчиняется «оглохшей» и «ослепшей» душе. Она ведет его в «царство безликих теней-бликов», которое должно стать его «домом»: «Живым – это лишь остановка в пути, мёртвым – дом» [9]. Важно, что на данном этапе К. Кинчев делает акцент на второй (деструктивной) части концептуальной фразы («мертвым – дом»). При этом конструктивное содержание первой части («Живым – это лишь остановка в пути») полностью нейтрализуется.

2. Контрсуггестивная деструктивно-аффективная интерпретация кода «пока держусь»

Второй концептуально-смысловой код («пока держусь») тоже наделяется ярко выраженной деструктивной семантикой. В структуре этого кода зашифрованы еще два принципиально важных для К. Кинчева вопроса. Поэт спрашивает себя: что удерживает меня на краю пропасти и не дает упасть? ради чего я должен продолжать свой путь борьбы-противостояния даже на краю собственной гибели?

Адекватно ответить на эти вопросы К. Кинчев не в состоянии, так как его сознание заблокировано системой деструктивных аффектов (см. позднее признание: «Я хотел быть мишенью в луче, / Но не видел, за что умирать» [7]). Поэт, жаждающий сделать себя мишенью, убежден, что борется за правое дело (за свободу, возрождение потерянных идеалов и спасение своей собственной души). Не случайно он ставит себя «в прицел луча», который должен стать источником очищения и перерождения его «сущностного я». В действительности

перерождение, к которому так стремится К. Кинчев, – это всего лишь очередная аффективная иллюзия. На это указывает фраза: «Но не видел, за что умирать». Очевидно, что конструктивный компонент цели нейтрализован. Возникает парадоксальная ситуация: рок-поэт готов принять бой и погибнуть, но во имя чего он всё это делает, остается непонятным. Здесь возникает система взаимообусловленных «смысловых разрывов». Схематично её можно представить так: 1) **цель**: не определена (*иллюзия цели* – возрождение потерянных идеалов и спасение своей собственной души); 2) **самоидентификация**: а) *идеальная (ложная)*: «я» – новый герой поколения, пророк, несущий людям Слово Истины; б) *реальная (фактическая)*: «я» – мишень, объект уничтожения/самоуничтожения; 3) **операционально-инструментальная стратегия**: а) *идеальная (ложная)*: конструктивная борьба за справедливость, свободу, за торжество духа и спасение своей души; б) *реальная (фактическая)*: тотальный, бессмысленный и беспощадный бунт, деструктивная, самоуничтожающая борьба всего со всем (объект противостояния не определен); 4) **система оценочно-результативных установок**: а) *идеальная (ложная)*: «я» совершил подвиг героического самопожертвования во имя спасения и преображения мира; б) *реальная (фактическая)*: расщепление своего «сущностного я» (глубокий духовный кризис, неизбежная гибель).

Таким образом, становится понятно, что на краю пропасти К. Кинчева удерживает «встроенная» в его сознание система псевдоконструктивных целевых, самоидентификационных, инструментальных и оценочно-результативных аффективных иллюзий (смысловых контрсуггестивных когнитивно-ментальных разрывов). В этих условиях концептуальный код «держусь» отождествляется с «падением». Соответственно, общее смысловое содержание фразы «Я стою на самом краю, / Но пока держусь» можно определить так: «я» (герой-мишень – «ментальный самоубийца») «растворяюсь» в пустоте неизбежности приближающейся смерти, которая является главной целью моей жизни.

3. Суггестивная конструктивно-аффективная интерпретация кода «на самом краю»

В контексте процесса активизации суггестивно-аффективного режима функционирования сознания К. Кинчева концептуально-смысловой код «на самом краю» наделяется противоположной конструктивной семантикой. В данном контексте «край», на котором стоит поэт, – это не край бездны (смерти – безверия – самоуничтожающей пустоты – «бытия-к-смерти»). Это своеобразная граница, экзистенциальный «рубеж», преодоление которого позволит К. Кинчеву частично/полностью нейтрализовать негативные, аффективно-иллюзорные аспекты противоречивости своей души, гармонизировать свое сознание и выйти на новый конструктивный этап моделирования КПП: «Мне бы стать мудрей и всё в себе поправить, / Слиться за предел привычной игры» [12]; «Перечитай, пересмотри / И убедись, что город внутри, / Забытый город съехавших крыш / И взорванных стен. / Пересмотри, перечитай / И убедись, что вышел за край, / За рубежи отчетных границ / И сверстанных схем» [15].

При этом К. Кинчев прекрасно понимает, что перейти этот рубеж он сможет только в том случае, если «сумеет всё в себе поправить», то есть освободиться от деструктивно-аффективного воздействия иллюзорно-симулятивных, внушенных самому себе ложных идей и убеждений. Он делает шаг – и душу начинают переполнять сомнения: «Может, я смогу, а может не сумею, / Выйти по нулям, застыв на бегу. / Звонкая коса, и мне, похоже, с нею, / Несудимых нет на том берегу» [12]. Источником этих сомнений, порождающих неуверенность и страх, являются деструктивно-аффективные состояния обреченности и безысходности, которые, несмотря на активизацию суггестивно-конструктивного режима функционирования сознания, продолжают жить в душе рок-поэта.

Однако он понимает, что назад пути нет. В той же программной композиции «Ветер перемен» он преодолевает свой страх и продолжает двигаться вперед, повторяя, как заклинание/молитву, одни и те же слова: «Смелей, / Еще один шаг. / Лица смотрящих на нас / Уже остались в тени. / Я говорю тебе: / “Мне нужен твой взгляд! / Прошу, смотри мне в глаза, / Смотри!”» [6]. Многократное повторение этих слов является не только средством преодоления страха, но и когнитивно-ментальным инструментом блокировки деструктивно-аффективного режима функционирования его сознания. Принципиальным является то, что ключевым элементом этого процесса становится суггестивный механизм самовнушения. Поэт убеждает себя в том, что ненависть к самому себе не является способом достижения свободы, справедливости и внутренней гармонии, что истина – это не «искаженная гримаса» лжи, что он наконец-то обрел правильный путь и сможет пройти его до конца: «Сегодня я способен дать бой, / Сегодня я трезв» [Там же]. Причем с каждым новым шагом уверенность растет. Параллельно с этим возрастает уровень конструктивной активности суггестивно-аффективного режима функционирования сознания поэта.

Здесь нужно обратить внимание на два принципиальных момента. Дело в том, что когда К. Кинчев переходит границу «привычной игры» (делает первый шаг на пути духовного самопреодоления), осознанно отказываясь от «разгула прожитых лет», он обращается к Богу. Поэт многократно произносит одну и ту же фразу: «Мне нужен твой взгляд!..». Несомненно, этот факт символизирует начало осознания того, что Бог является единственным источником силы духа и любви. Бог – это сама Жизнь. Соответственно, жизнь, в которой нет Бога, – это смерть. Одновременно с этим К. Кинчев начинает понимать, что глубокая, искренняя вера, наполняющая смыслом земную жизнь человека и открывающая путь к бессмертию его души, – это не дар, а постоянная духовная борьба с самим собой (с пороками, страстями и слабостями). К. Кинчев отмечает: «Каждый из нас бродит впотьмах. Каждый идет своими дорогами, и каждый имеет право на ошибки. Для их преодоления нужно уловить импульс искренности и внутренней честности. <...> За эти понятия нужно бороться всю жизнь» [24]. Из этого следует, что физическая смерть, которая под воздействием деструктивно-аффективных состояний воспринималась поэтом как бессмысленный акт самоуничтожения, а в итоге пустоты и забвения, – это всего лишь короткая «остановка» на пути к жизни вечной («Живым – это лишь остановка в пути...»).

Заметим, что метафорически путь христианского самосовершенствования бессмертной православной личности [2, с. 277], к которой «никто не может прикоснуться, так как она потаенна, неотчуждаема, апофатична и незрима» [21, с. 14], можно назвать непрерывным самопреодолением, многократно повторяющимся движением от одного «края» пропасти (порока-слабости) к другому и обратно («Сумрак, пелена, ночь да туман – / Время отмечать пройденный путь. / Сколько бубенцов спрятал в карман, / Сколько бубенцов принял на грудь» [16]). При этом ситуация многократного возвращения к «краю» – пороку, «рубезу», который, казалось бы, уже пройден/прожит, обусловлена слабостью и противоречивостью человеческой природы. Основной ее принцип достаточно прост: как только в сознании человека возникает мнимое ощущение того, что он смог освободиться/очиститься от греха, его дух слабеет и «искорененный порок» проявляется в нем с новой силой: «Гул основ – легкая тень честного слова, / Правдой жжет и заставляет лететь, / Боль огня переживать снова и снова / И вздохом взять смерть. / Труден приговор, когда решается вопрос, быть или нет, / Разве только луч утренней звезды подскажет ответ. / Выбор опалит, когда на мытарства взойдет ясная суть – / Главным дорожить, прочего не брать и в путь» [5]. Здесь можно вспомнить евангельскую притчу о мытарях и Иоанне Крестителе, которая созвучна одному из основных духовных стремлений К. Кинчева – открыть свою «мытарскую душу» Богу – «лучу утренней звезды» и следовать своему предназначению: «Мытари пришли к Иоанну Крестителю с тем, чтобы покаяться. Иоанн Креститель не сказал им, чтобы они перестали быть мытарями. Он сказал так: “Вы мытари и не требуйте больше того, что вам положено”. Мытари – это презираемая, страшная, очень нехорошая “профессия”. Но он им не сказал – не будьте мытарями. ...сказал им: не грешите, в своем звании оставайтесь честными людьми, проповедуйте Христа» [25]. Таким образом, шаг за шагом, «перечитывая» книгу своей жизни, рок-музыкант К. Кинчев, продолжая оставаться самим собой, несет свой крест и «пересматривает» / переосмысляет / перестраивает общую стратегию моделирования своей КПП, основой которой становится «бытие-к-Богу».

4. Сuggestивная конструктивно-аффективная интерпретация кода «пока держусь»

Прежде чем рассматривать специфику концептуального кода «держусь» в контексте новой конструктивной, сuggestивно-аффективной стратегии моделирования КПП «бытие-к-Богу», необходимо обратить внимание на несколько важных моментов. Выше мы уже говорили о том, что «края» – это грехи-пороки-слабости человека. Под воздействием контрсuggestивных деструктивно-аффективных состояний каждый такой «край» воспринимается поэтом как источник «жизненной силы», удерживающий его на краю пропасти-смерти-пустоты. Именно поэтому он из последних сил пытается держаться за них. В действительности – это всего лишь очередная аффективная иллюзия. К. Кинчеву только кажется, что это он держится за «спасительный грех», который должен «освободить» и «очистить» его душу. На самом деле – это грех держит его. При этом под воздействием системы деструктивных аффектов в сознании поэта постепенно формируется псевдоконструктивное стремление к искоренению греха. Этот процесс, полностью блокирующий психоэмоциональную и аналитическую активность личности, условно можно назвать симулятивно-имитационной копией механизма «работы» сознания. Сущность этого механизма состоит в следующем: одно аффективное состояние вступает в мнимое противоречие с другим аффектом (с самим собой), имитируя базовый защитный механизм психики, основанный на вытеснении/блокировке негативного раздражителя. Возникает парадоксальная ситуация. Раздражитель (деструктивный аффект-грех), разрушающий целостность сознания, является и объектом, и инструментом, и источником противостояния, «очищающим» душу поэта. Другими словами, аффект противостоит самому себе, а грех «искореняется» грехом. В результате активизируется необратимый автоматизированный процесс самоуничтожения, «стирания» личности.

В основе нейтрализации этого деструктивного процесса и активизации конструктивно-сuggestивной модели работы сознания поэта лежит механизм перекодировки и смены когнитивно-ментального статуса концептуального кода «грех». Обращение к Богу позволяет К. Кинчеву понять, что «держаться» за собственные пороки бессмысленно, так как от себя убежать невозможно. Каждое обращение к Богу – это встреча с самим собой. Она позволяет посмотреть на себя со стороны и оценить степень конструктивности (искренности, справедливости и результативности) своих мыслей, действий-поступков-желаний: «А на часах уже без пятнадцати три. / Время как река, не воротишь назад, / А ты хоть раз попробуй – оглянись, посмотри, / Что сумел, что сделал и кто этому рад. / Ой, мама, мама – больно мне» [13]. Соответственно, жизнь человека – это постоянный выбор между истинной и ложью, смирением (покаянием) и бунтом, жизнью и смертью, добром и злом. Причем выбор этот в равной степени синоминутен и вечен. Другими словами, каждый проживаемый миг своего бытия человек ведет непримиримую борьбу с самим собой. При этом у него есть только два варианта: а) либо он смотрит на себя «глазами греха», «растлевая свою совесть спесью и превознося свое я» [14]; б) либо пытается «увидеть землю глазами икон» [10], то есть стремится обрести «новую суть», преодолеть себя, переродиться и спасти свою душу.

Каждый из представленных вариантов выбора соотносится с особой когнитивно-ментальной формулой, идентифицирующей «сущностное я» человека: 1) «Я грешен, значит моя душа обречена» («бытие-к-смерти»); 2) «Я грешен, но спасение моей души в моих руках (в руках Божьих)» («бытие-к-Богу»). Заметим, что первая формула имеет ярко выраженную контрсuggestивную направленность. Ее условно можно назвать деструктивно-аффективной моделью нулевой самоидентификации, основанной на принципе симулятивного самоотстранения/самоустранения из жизни и мира. Выбирая эту модель, человек обрекает себя на вечный самообман. Он «держится» за свои грехи, тонет в болоте неверия-пустоты-обреченности. Поступки его бессмысленны, так как он отказывается от подлинного пути познания себя / гармонизации своего «сущностного я», подменяя путь духовного самопреодоления «топтанием на месте». Выбирая вторую формулу, человек принимает свою

греховную сущность и признает тот факт, что душа его и он сам несовершенны. В результате в сознании поэта начинает формироваться суггестивная конструктивно-аффективная модель самоидентификации личности. Ее ключевым (системообразующим) компонентом становится христианская вера. В рамках этой модели деструктивный процесс тотального самоотрицания нейтрализуется, и человек, преодолевая свои пороки-страсти, встает на путь духовного очищения и начинает двигаться вперед (к самому себе, к Богу – к бессмертию души).

Актуализируя (говоря нашими словами) суггестивно-аффективный тип самоидентификационной модели, К. Кинчев предлагает свой вариант этой формулы. Сущность ее определяется в композиции «Качели»: «Вот и я зацепился за края. / Не держусь, трачу, не даря. / Между грязью и красотой, / Между чудом и тьмой, / Возвращаюсь своей тропой / Домой» [11]. Поэт признает греховность своей души. Он «зацеплен» за края пороков-страстей, которые тянут его на дно. Однако он внутренне свободен. Путь духовного поиска-самопреодоления-борьбы для него открыт.

Специфика механизма его освобождения предельно проста. К. Кинчев «не держится» за свои грехи. Он отдает всего себя Богу, «тратит, не даря», и ничего не просит взамен. Здесь воспроизводится ключевой принцип христианского мировосприятия (мировоззрения): Благодать Божья открыта человеку, но она не дарована ему. Путь к ней лежит через духовное подвижничество. Подобное мироопределение, являющееся специфической духовно-религиозной формой мировоззрения, нейтрализует, но не устраняет внутреннюю противоречивость сознания К. Кинчева. Причем процесс этот происходит абсолютно естественно, так как новое для героя-пророка мироопределение, с одной стороны, блокирует негативное эмоционально-деструктивное состояние внутренней неуверенности-страха в правильности выбранной цели-идеи (сомнения в истинности своего выбора исчезают). С другой – поэт попадает в привычное для него пространство «духовно-нравственного догматизма», в котором он должен жить по уставу православной церкви, соблюдая ее предписания, правила и ритуалы (см., напр.: «Самое главное – спасти свою душу смирением, склоняя голову перед Христом... Этому учит нас православие. Коли я принял его – я всем законам и традициям православной церкви следую, во всяком случае стараюсь следовать по слабости своей...» [23]). Деструктивно-героический догматизм (воля-к-власти), источником которого была непомерная гордыня К. Кинчева («превознесение своего я»), трансформируется в религиозно-христианский конструктивный догматизм (воля-к-вере), в рамках которого «подвиг тотальной борьбы» с несуществующим врагом (самим собой) превращается в подвиг служения Богу. Однако, выбирая этот путь, поэт парадоксальным образом обретает полную внутреннюю свободу. При этом грехи продолжают «держаться» его, но деструктивно-аффективный эффект блокировки сознания снимается.

Это связано с тем, что изменяется специфика когнитивно-ментальной связи поэта и его греховной сущности. Если раньше данная связь строилась на принципах противоестественного подавления (я «знаю», что уничтожаю себя, но в этом уничтожении я обретаю «силу» и «спасение» души), то теперь источником этого взаимодействия становится исцеляющая боль («Я читал в глазах боль за души земли» [10]), хранящая сердце и душу поэта.

Важно, что боль, одухотворенная верой, воспринимается К. Кинчевым как знак присутствия в душе Благодати Божьей, поэтому поэт стремится сохранить ее в своем сердце: «Если покой хуже, чем плеть, / Рубцы глубже, чем рана, / Рана мудрее, чем соль. / Только взгляни, и сможешь зажечь / Звезду над облаками, / Только храни в сердце боль» [8].

Изменение характера когнитивно-ментального взаимодействия элементов системы «я грешен и подчинен (обречен) – я грешен, но свободен (спасен)», основанное на глубоком смиренном принятии своего духовного несовершенства, позволяет К. Кинчеву нейтрализовать деструктивно-аффективные процессы самокопирования («семантического расслоения») базовых КПУ. Если в рамках контрсуггестивной модели работы сознания каждая установка «распадается» на несколько ложных, иллюзорно-симулятивных проекций, и определить, какая из них являлась истинной (фактической), было невозможно, то в контексте конструктивно-суггестивной модели все когнитивно-прагматические подсистемы стабилизируются и приобретают концептуально-смысловую целостность и устойчивость. В максимально обобщенном виде суггестивно-христианская модель КПП К. Кинчева выглядит так: 1) **цель**: служение идеалам христианской веры; гармонизация сознания и спасение своей бессмертной души; 2) **самоидентификация**: «я» простой (смертный/грешный), но свободный человек; 3) **операционально-инструментальная стратегия**: внутреннее духовное самосовершенствование (очищение и самопреодоление); постоянная борьба с самим собой («Я грешен, но я принимаю бой, так как спасение души в моих руках (в руках Божьих)» («бытие-к-Богу»)), когда основным когнитивно-ментальным инструментом, стимулирующим рост волевой (сила Духа) активности сознания поэта, является боль не только за свою собственную душу, но и за души других людей; 4) **оценочно-результативный компонент**: первый этап преодоления внутреннего духовного кризиса пройден (саморазрушающие деструктивно-аффективные интенции личности частично нейтрализованы); найден универсальный путь гармонизации сознания, основанный на единстве христианской веры, духовной силы и целостности души.

Итак, принципиальное значение имеет тот факт, что двойственной конструктивно-деструктивной (суггестивно-контрсуггестивной) семантикой наделяются практически все концептуальные элементы деструктивно-героического» варианта КПП. Назовем наиболее важные из них: жизнь / смерть; выбор / иллюзия выбора; добро / зло; творчество / духовная «немота», «слепота»; разрушение / созидание; движение вперед / «движение вспять»; способность прощать / мечь; духовный поиск / обреченность, страх; смирение / самообожествление; сила духа / слабость, «духовный паралич»; грех / искупление, возрождение; гармонизация / самоуничтожение и некоторые другие. Нейтрализация деструктивно-аффективных процессов, ведущих к возникновению иллюзорно-симулятивных проекций, невозможна в контексте деструктивно-контрсуггестивной

модели – но возможна в контексте конструктивно-суггестивной модели, направленной на стабилизацию и концептуально-смысловую целостность всех когнитивно-прагматических подсистем.

Список источников

1. Александр Башлачев. **Человек поющий**: стихи, биография, материалы / сост. Л. Наумов. СПб.: Амфора, 2010. 480 с.
2. Бублик К. М. Понятие личности в современном православии: возвращение к истокам // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 2 (11). Ч. 1. С. 273-279.
3. Иванов Д. И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский университет международных исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2019. 312 с.
4. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский университет международных исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2017. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
5. Кинчев К. В путь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursivom.ru/алиса-в-путь-к-кинчев/> (дата обращения: 23.06.2019).
6. Кинчев К. Ветер перемен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/veter-peremenn-accords.html> (дата обращения: 19.06.2019).
7. Кинчев К. Все, что я хочу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursivom.ru/алиса-все-что-я-хочу-к-кинчев/> (дата обращения: 23.06.2019).
8. Кинчев К. Жги-гуляй [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/zggi-gulyay.html> (дата обращения: 23.06.2019).
9. Кинчев К. Земля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/zemlya.html> (дата обращения: 19.06.2019).
10. Кинчев К. Изгой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursivom.ru/алиса-изгой-песня-к-кинчев/> (дата обращения: 23.06.2019).
11. Кинчев К. Качели [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursivom.ru/алиса-качели-к-кинчев/> (дата обращения: 23.06.2019).
12. Кинчев К. Колобок [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/gruppa-alisa/kolobok/> (дата обращения: 23.06.2019).
13. Кинчев К. Мама [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/mama.html> (дата обращения: 23.06.2019).
14. Кинчев К. Моя Война [Электронный ресурс]. URL: https://iomedix.com/к_кинчев/моя_война/ (дата обращения: 19.06.2019).
15. Кинчев К. Пересмотри [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursivom.ru/алиса-пересмотри-к-кинчев/> (дата обращения: 23.06.2019).
16. Кинчев К. Солнце на блюде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kursivom.ru/алиса-солнце-на-блюде-к-кинчев/> (дата обращения: 23.06.2019).
17. Кинчев К. Сумерки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/sumerki-accords.html> (дата обращения: 19.06.2019).
18. Кинчев К. Умереть молодым [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/umeret-molodyim.html> (дата обращения: 23.06.2019).
19. Кинчев К. Чую гибель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/chuy-gibel.html> (дата обращения: 19.06.2019).
20. Ковалевский А. А. Онтологические основания негативности // Идеи и идеалы. 2018. № 1 (35). С. 108-121.
21. Кураев А., диак. Христианская философия и пантеизм. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997. 226 с.
22. Лепехин Н. Н., Протанская Е. С. Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 186-194.
23. <https://yandex.ru/video/search?filmId=14717836956010523195&text=алисанашиболовке> (дата обращения: 29.05.2019).
24. <https://yandex.ru/video/search?p=4&filmId=726885882277936193&text=кинчев интервью> (дата обращения: 22.05.2019).
25. <https://yandex.ru/video/search?text=Кинчев> (дата обращения: 29.05.2019).

**“I AM ON THE EDGE BUT I HOLD MYSELF”
(COGNITIVE TWO-DIMENSIONALITY OF SPIRITUAL PATH IN K. KINCHEV’S CREATIVE WORK)**

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Xi'an International Studies University, People's Republic of China
Ivan610@yandex.ru

Within the author’s theories of a synthetic linguistic personality and cognitive-pragmatic programs, the article proposes a comprehensive interpretation of the key phrase of K. Kinchev’s composition “The Wind of Changes”. Seeking to destroy the totalitarian regime of oppression, K. Kinchev combines this pathos with the pathos of reviving true ideals and a human’s spiritual freedom. He initially does not understand the ambiguity of this position. The symbolic phrase “I am on the edge but I hold myself” acquires ambiguous constructive-destructive semantics: 1) “I” (hero-target – “mental self-murderer”) disappear in the darkness of the coming death, which is the basic purpose of my life; 2) potentially this phrase presupposes the humble acceptance of his spiritual imperfection, which has eventually allowed the composer to neutralize destructive-affective processes of self-imitation and personality’s degradation.

Key words and phrases: synthetic linguistic personality; cognitive-pragmatic program; constructive-destructive semantics; affective state; suggestive / counter suggestive strategy.